

Ф.М.Достоевский в творческом мире Д.С.Мережковского

Когда в конце жизни Д.С.Мережковский завершал свою последнюю книгу «Маленькая Тереза», ему вспомнились слова Достоевского: «”Многое можно знать бессознательно”, по великому открытию Достоевского, имеющему наибольшее знание в религиозном опыте, где самое глубокое и наиболее человека подводящее к Богу совершается бессознательно. Наше сознание запредельное (то, что Достоевский называет “бессознательным”) от сознания предельного, “душу ночную” от “дневной”, наше бодрствование от подобного глубочайшему обмороку сна, отделяет лишь один волосок, но не переступаемый для нас, как бездна» [5, с. 374]. Воспоминание о Достоевском, конечно, не случайно. Мережковский писал о св. Терезе, которая смогла, по его мнению, осуществить «переход из одного порядка бытия в другой, из сознательного, “дневного”, в бессознательный, “ночной”, внезапный, как молния. Между этими двумя порядками, - пишет Мережковский, находится то, что в математике называется “прерывом”, а в религии – “чудом”» [5, с. 374].

Мысль о возможности «прерыва», которую Мережковский связывает с Достоевским, отсылает нас к пьесе «Будет радость», написанной во многом во след Достоевскому, где один из персонажей спрашивает у отца: «И теорию “прерывов” не знаете? Иван Сергеевич. К чему тут “прерывы”? Гриша. А к тому, что математическое понятие “прерыва” и есть понятие “чуда”... Полно, папа, Паскаль и Достоевский были не глупее нашего» [3, с. 354]. Через двадцать пять лет, оторванный от родины и русской культуры, последние свои мысли Мережковский снова связывал с Достоевским, который оставался его неизменным «вечным спутником». Однако к такому осознанию Мережковский шел, по существу, всю свою творческую жизнь.

20 декабря 1902 г. Мережковский оставляет А.Г.Достоевской такое письмо: «Глубокоуважаемая Анна Григорьевна, вместе с этим письмом заносу Вам два тома моего исследования «Л.Толстой и Достоевский»... По моим книгам...

Вы увидите, какую благоговейную любовь я и все мы питаем к Федору Михайловичу. Мы его духовные дети, и смею думать, что и он сам признал бы нас за таковых. Вся наша деятельность, вся наша жизнь посвящены развитию и распространению тех идей, которые были ему всего дороже». Обращаясь с просьбой найти «какие-либо литературные материалы – письма, записи, воспоминания, черновые наброски, отрывки», Мережковский просит передать их для публикации в журнале «Новый путь» во имя «того *общего дела*, которому, твердо верим, сочувствовал бы великий наш учитель Федор Михайлович!» [1, с. 28 – 29].

Думается, именно уверенность в том, что Достоевский является великим предшественником и учителем, во многом определила его место в наследии Мережковского. Первые слова о нем в книге «О причинах упадка...», развернутый анализ романа «Преступление и наказание» в статье «Достоевский», книга «Л.Толстой и Достоевский», ряд статей, сопровождавших переводы, «Грядущий Хам», «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», «Горький и Достоевский», «Завет Белинского», пьесы, исследования, написанные в эмиграции, вплоть до «Маленькой Терезы», – таков путь в постижении Мережковским Достоевского и, можно сказать, в преодолении его.

Мережковский обратился к Достоевскому за ответом на вопросы, которые ставила его собственная историософская концепция, прочел его произведения под таким углом зрения, чтобы сделать зримыми идеи, которые отвечали его своеобразным представлениям о «сверхисторическом» христианстве. Отсюда несомненная новизна оценок, верность сопоставлений, отсюда слабость и заданность некоторых выводов. Не случайно А.Г.Достоевская отказывается печатать очерк, который она просила Мережковского написать для юбилейного собрания сочинений писателя. Как известно, это собрание вышло в свет со статьей С.Н.Булгакова «Очерк о Ф.М.Достоевском. Через четверть века (1881 – 1906)». К письму от 16 / 29 сентября 1906 г., адресованному А.Г.Достоевской, Мережковский прилагает «Письмо для напечатания», в котором говорит: «Мне понятны мысли и чувства, заставившие Вас признать неудобною для напечата-

ния статью мою «Пророк русской революции», которая была написана для этого издания... Высказанные в этой статье взгляды на некоторые самые заветные верования Ф.М.Достоевского – самодержавие, православие, народность – так не совпадают с установившимся в русском общественном мнении пониманием произведений этого писателя, что я тогда же согласился с Вами, что, может быть, подобной статье не место в классическом юбилейном издании. Но изменить этот взгляд, ни даже высказать его в более умеренной форме я не в силах, хотя понимаю, что взгляд мой может показаться недостаточно объективным» [1, с. 32].

На эти годы приходится перелом в отношении Мережковского к великому учителю. Он вступает с Достоевским в борьбу, результатом которой стали его поздние статьи и некоторые пьесы. Подоплекой этой борьбы была попытка Мережковского преодолеть пагубное, по его мнению, воздействие идей Достоевского-мыслителя. Не случайно он пишет Брюсову, что его статья «Пророк русской революции» по своей «слишком яркой политической и главное, религиозной, до *фанатизма*, окраске» диссонирует с устоявшимися представлениями о Достоевском [1, с. 31]. В юности, как известно, Мережковский находился под его значительным влиянием. В 1880 г. отец, Сергей Иванович Мережковский, возил сына к писателю, которому юноша читал свои стихи. В «Автобиографической заметке» подробно рассказывается об этом визите [2, с. 275 – 276]. Прием, оказанный ему Достоевским, трудно назвать «благословением на литературную деятельность» [11, с. 156 – 159], как в преклонном возрасте писал Мережковский [8, с. 161], но все же нельзя не признать, что воздействие личности и творчества Достоевского на него было значительным. В статье, посвященной «Преступлению и наказанию», это отчетливо проявилось.

Обращает на себя внимание особая исповедальная интонация, «сочувственное волнение» Мережковского. Говоря о Достоевском, он воссоздает атмосферу сумрачного, «печального, холодного» города, в котором писатель «жил среди нас,.. не бежал от наших мучений, от заразы века. Он любит нас просто, как друг, как равный» в отличие от других корифеев русского романа, Тургене-

ва и Толстого. Достоевский для нового поколения читателей – «товарищ в болезни, сообщник не только в добре, но и во зле, а ничто так не сближает людей, как общие недостатки. Он знает самые сокровенные наши мысли, самые преступные желания нашего сердца». Близость писателя своему поколению, «глубокое проникновение в чужую совесть», умение «исповедать наше сердце» сказались в поэтике его произведений, написанных человеком, у которого «слезы еще не высохли на глазах, они чувствуются в голосе; рука еще дрожит от волнения». Представив образ Достоевского, Мережковский обращается к его творчеству, к своеобразным художественным приемам, которыми владел, по его мнению, писатель. Это «введение в жизнь героя посредством изображения тончайших, неуловимых переходов в его настроении», «резкие контрасты трогательного и ужасного, мистического и реального», мистицизм, т.е. «призрачность реального», когда жизнь – «только явление, только покров, за которым таится непостижимое и навеки скрытое от человеческого ума», и, наконец, единство времени, соблюдение которого сближает его эпические произведения с трагедией. Статья завершается словами о том, что «величайший реалист, измеривший бездны человеческого страдания, безумия и порока», Достоевский в то же время «величайший поэт евангельской любви», «больше всех жалеющий и любящий людей». В статье о «Преступлении и наказании», разумеется, еще не было того выверенного и осознанного взгляда Мережковского-мыслителя, который станет определяющим для его произведений рубежа веков, однако уже здесь он говорил о Достоевском не с православных позиций. Это стало причиной его разрыва с журналом «Русское обозрение», в котором печаталась статья.

Издателем и редактором журнала был А.А.Александров, известный, прежде всего, тем, что в 1878 г. встречался с Достоевским, был репетитором у сына Толстого, Андрея, да и сам был литератором, писал стихи. Мережковского связывали с Александровым добрые отношения, он относился к издателю, по собственным словам, с симпатией. В «Русское обозрение» был отдан его перевод из «Фауста» Гете («Пролог на небе») [6, с. 202 – 207], однако в 1892 г., уже по-

сле этой публикации, Мережковский отказался сотрудничать в журнале. Идеи-ные расхождения Мережковского с Александровым обозначились после публикации первого тома журнала за 1892 г. В нем, кроме других материалов, содержался отчет обер-прокурора Святейшего Синода, касавшийся законодательства о преступлениях против веры. В отчете говорилось: «В связи с религиозными воззрениями на личную жизнь народ наш в гражданской и государственной жизни разумеет источником порядка одного помазанника Божия на земле. Навязываемое русскому народу просвещение с его современными европейскими воззрениями и задачами, далекими от Бога, он воспринимает неохотно...» [10, с. 445].

В редакционном комментарии к отчету высказывалось мнение, что «нежелательно разделение церкви и государства, ставящее их в положение двух борющихся сторон», что следует государственными мерами «ограничить католическую пропаганду» и что в таком ограничении «невозможно видеть стеснение свободы совести или религиозной нетерпимости» [10, с. 445]. Этот материал не мог оставить Мережковского равнодушным. Уже через несколько лет он открыто будет говорить об ответственности государства перед народом за подавление церкви, назовет свою вторую трилогию «Царство Зверя», а публицистические сборники, и в том числе, статья «Пророк русской революции» будут пронизаны мыслью о необходимости освобождения церкви от гнета самодержавия. В письме же от 8 ноября 1892 г. Мережковский объяснял Александрову свою позицию так: «Не понимаю, как Вы сразу не объяснили и не сказали мне, что мы в самом важном, в самом основном расходимся. Вы стоите за православие, за церковь, за славянофилов. Всю мою жизнь и все мои силы я хочу употребить на борьбу с ними... Поймите – не могу я громко сказать, что моя религия безгранично свободная, чуждая всех догматов, всех ограничений... Вы – молодой, искренний, образованный человек – искренне любящий Россию, идете по такому пути с такими же дряхлыми, отжившими людьми. О как это грустно! Какой мрак кругом, какое всеобщее недоразумение» [9, л. 9- 9-об].

Уже через несколько лет после завершения работы над книгой «Л.Толстой и Достоевский» одна за другой публиковались статьи «Л.Толстой и русская церковь» (1903), «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» (1906), «Л.Толстой и революция» (1908), «Смерть Толстого» (1910), «Горький и Достоевский» (1913), «Завет Белинского» (1914), «Поэт Вечной Женственности» (1917) и другие, свидетельствовавшие об изменении угла зрения Мережковского, о расширении круга вопросов, которые он считал правомерным обсуждать в связи с Достоевским. Менялась и его тональность: он с большим сожалением и сочувствием писал о Толстом и оказывался беспощаднее к Достоевскому, полемикой с которым проникнуто множество его статей.

Причины, побудившие вдову Достоевского отказаться от публикации статьи Мережковского, лежат на поверхности. Здесь, пожалуй, он впервые говорил о Достоевском только как о публицисте и религиозном мыслителе, оставив за рамками статьи образ Достоевского-художника, которому в книге «Л.Толстой и Достоевский» было посвящено так много блестящих страниц. И облик Достоевского-мыслителя имел, по словам самого Мережковского, настолько «неюбилейный характер», что не могло быть и речи о публикации этой статьи как вступительной к собранию его произведений. В статье воссоздан уже живший в творческом мире Мережковского образ Достоевского-«друга», болевшего одними болезнями со своими современниками: «Он – самый родной и близкий из всех русских и всемирных писателей не мне одному. Он дал нам всем, ученикам своим, величайшее благо, которое может дать человек человеку... Не мы судим Достоевского, сама история совершает свой страшный суд над ним, так же как над всей Россией. Но мы, которые любили его, которые погибали с ним, чтобы с ним спастись, не покинем его на этом страшном суде: будем с ним осуждены или с ним оправданы» [7, с. 311].

То, что Мережковский пережил в «революционные годы 1905 – 1906, имело для внутреннего хода» его развития «решающее значение. Я понял <...> не отвлеченно, а жизненно, – писал он впоследствии, – связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианству

нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе» [2, с. 294]. Обращаясь к публицистике Достоевского, Мережковский предлагает новое ее прочтение, показывая, какие «пророчества» великого писателя осуществились и какие должны были осуществиться, если бы от него не был «скрыт смысл собственных пророчеств».

Особый колорит этой статье придал сюжет, построенный на одном из детских воспоминаний Достоевского. Пересказывая фрагмент из «Дневника писателя» о мужике Марее, Мережковский связывает с ним не только стремление Достоевского спрятаться от всех общественных потрясений на груди русского «народа-богоносца», но и одно из первых проявлений его мистицизма. Осознавая Достоевского, прежде всего, мистиком, Мережковский позднее скажет, что для всех русских мистиков «религия кончалась реакцией» [4, с. 192]. Приняв идеал христианского гуманизма как «будущее за настоящее», невозможное за действительное, Достоевский посчитал свое апокалипсическое христианство за старое, историческое. Он искал особый путь для русского православия и противопоставлял его христианству западному, стремился разделить два всемирно-исторических пути – западный и восточный, предал анафеме европейскую культуру и идеалы общественной жизни. Он не сумел увидеть, считал Мережковский, что православие благословляло самые кощунственные политические акции правительства, участвовало в травле интеллигенции. Высказывания в «Дневнике писателя» о самом православном из православных народов, о святости в его сознании идеала государственной власти, идеализация этой власти и противопоставление ее западной модели, есть, по Мережковскому, выражение той «лжи», которая сосуществует с «великой истиной» Достоевского, первым увидевшим, что стоит за стихийным разрушением монархии. Ей на смену, говорит Мережковский, приходит анархия, такое же насилие, всех над каждым, как и самодержавие, одного над всеми, в недрах которого оно зарождается.

На глазах нового поколения исполнилась первая половина пророчества великого писателя о «раскачке» и разрушении «балагана». Вторая половина его пророчества – мысль о самозванстве любой власти, пришедшей на смену преж-

ней, – еще может исполниться. Это предчувствие Достоевского было Мережковскому особенно близким. В это время он завершал драму «Павел 1», по поводу которой писал, что стремится показать «бесконечный религиозный *соблазн* самодержавия», который не чувствуют лучшие из революционеров [1, с. 35]. Самодержавие – такая же религия, как и революция. Как только оно будет свергнуто, откроется его религиозное существо, выраженное еще Достоевским: «Он есть, но никто его не видел, он скрывается, но явится», «царь-батюшка», «красное солнышко». А в русской истории всегда было «трудно отличить самодержца от самозванца»: каждый пришедший царь видится право имеющим, новым Мессией, который даст народу землю. Однако Мережковский не мог без литературной критики выявить, обозначить, подтвердить совпадение «пророчеств» Достоевского со своей концепцией. Ведь «пророческими» у него оказываются прозрения Достоевского-художника, Достоевского «бессознательного». Но такие своеобразные толкования «истинного» смысла сказанного Достоевским возможны потому именно, что его судьба и творчество осмыслены, прочитаны, прежде всего, художником и критиком, еще в юности увидевшим «двух» Достоевских и отделявшим мыслителя от художника.

В предисловии к статье «Пророк русской революции» Мережковский утверждал: «То, что я делаю, он сделал бы сам» [7, с. 312]. Но с течением времени и этот образ Достоевского, образ пророка, «близкого нам», постепенно затемняется образом реакционера, проповедника «национализма звериного образа» и гонителя русской интеллигенции. Последний вывод Мережковского – автора лекции «Завет Белинского» заключается в том, что глубинный и пророческий смысл творчества Достоевского оказался «не по плечу» интеллигенции, а русское общество усилило самые реакционные стороны его позиции.

Творчество Мережковского последних десятилетий, разнообразное по своему жанровому составу и тематике, представляет новый этап духовной и идейной эволюции писателя, в которой Достоевский, занимая едва ли не центральное место, оказывается знаковой фигурой для обозначения всего реакционного в России. Главная тема творчества Мережковского этого времени – участь рус-

ской интеллигенции. Мережковский не принял вышедший в 1909 г. сборник статей «Вехи», и его книги и пьесы проникнуты внутренней полемикой с ним. Он ощущал острую потребность что-нибудь противопоставить во многом верным и честным оценкам авторов «Вех», защитить интеллигенцию от нападков «кающихся интеллигентов», названных Мережковским «учениками Достоевского». «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев», сборники статей «Больная Россия», «Было и будет. Дневник 1910 – 1914 гг.» и «От войны до революции. Невоенный дневник», лекция “Завет Белинского”, пьесы “Будет радость” и пьеса без названия – вот ответ Мережковского русской литературе, русской политике и общественной жизни. Подчас полемически заостренные, не всегда справедливые, подчиненные логике горячего спора, эти произведения представляют образ Мережковского художника, оригинального мыслителя, критика, гражданина и либерала. Именно в этом контексте знак прошлого, непререкаемый авторитет общественности, но мнимый ее пророк и тайный враг – Достоевский. Его образ возникает не только в связи с Тютчевым, которого Мережковский осознает духовным отцом славянофила Достоевского, но, особенно, в связи с Белинским. Лекция «Завет Белинского» – это, в сущности, разговор о Белинском и Достоевском, о бессознательной религиозности русской интеллигенции и ее революционной общественности в сопоставлении с реакционностью Достоевского.

Еще одна страница в горячей полемике с Достоевским – пьеса без названия, оставшаяся незавершенной. Комментарий к ней позволяет видеть, насколько сильным было стремление преодолеть Достоевского. Реминисценциями, цитатами из произведений Достоевского насыщен и план пьесы, и реконструированный мной согласно плану ее текст. Вот несколько примеров. «Он один ее понимает, она – язычница. Лия – Лилит, первая жена Адама. “Я ваш – Личард верный, ваш Мефистофель”». В книге «Л.Толстой и Достоевский» «верным слугой Личардой» Мережковский называл Петра Верховенского, «Мефистофеля Ставрогина», или вносит в текст слова: «Мой демон – просто маленький, гаденький золотушный бесенок из неудавшихся», являющиеся реминис-

ценцией из романа Достоевского «Бесы». Выражение «крохотный бесенок с насморком» употребляется Мережковским в книге «Л.Толстой и Достоевский» и статье «М.Ю.Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». «Народ-богоносец» — выражение Достоевского из «Бесов», с которым Мережковский полемизирует в статье «Пророк русской революции». Здесь же, когда речь заходит о Петербурге как о самом «призрачном» из городов — реминисценции из романа Достоевского «Подросток», многократно приводившиеся в книге «Л.Толстой и Достоевский» и позднейших статьях.

В творчество Мережковского периода эмиграции Достоевский, его судьба, темы и герои перешли как знаковые фигуры. Их сменяли в книгах Мережковского новые спутники, но без Великого Инквизитора или Черта Ивана Карамзова он не мог сформулировать своих идей, ему не от чего было отталкиваться и не к чему идти. Русская культура XIX века в творческом мире Мережковского существовала не как данность, не как некий идейный и интеллектуальный багаж, а как живая материя, дышащая и развивающаяся в современном ему культурном и социальном организме. Он строит свое здание «всемирной религиозной культуры» так, что прошлое — не только основа, но и непосредственный участник нового созидания. Достоевский в этом строительстве оказался не «концом», как говорил он в книге «Л.Толстой и Достоевский», а только началом.

Литература

1. Записные книжки и письма Д.С.Мережковского / Д.Мережковский [Публ. Е.Андрущенко и Л.Фризмана] // Русская речь. — 1993. — № 5. — С. 28 — 29.
2. Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка / Д.С.Мережковский // Русская литература XX века. 1890 — 1910 [Под ред. профессора С.А.Венгерова]. — М.: Издательский дом «XXI век — согласие», 2000. — Т. 1. — С. 273 — 278.
3. Мережковский Дмитрий. Драматургия / Дмитрий Мережковский [Вст. ст., сост., подг. текста и ком. Е.А.Андрущенко]. — Томск: Водолей, 2000. — 768 с.
4. Мережковский Д.С. В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве) / Д.С.Мережковский [Сост., послесл., ком. С.Поварцова] // Мережковский

- Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 190 – 196.
5. Мережковский Д.С. Маленькая Тереза / Д.С.Мережковский [Под ред. и со вст. ст. проф. Т.Пахмусс] // Мережковский Д.С. Испанские мистики. Маленькая Тереза. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. – С. 314 – 378.
 6. Мережковский Д.С. Пролог на небе (Из «Фауста» Гете) / Д.С.Мережковский // Русское обозрение. – 1892. – Т. 2. – Март. – С. 202 – 207.
 7. Мережковский Д.С. Пророк русской революции (К юбилею Достоевского) / Д.С.Мережковский [Сост. Е.Я.Семибратов (Данилов)]// Мережковский Д.С. В тихом омуте. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 310 – 349.
 8. Письма Д.С.Мережковского А.В.Амфитеатрову [Публ., вст. зам. и прим. М.Толмачева и Ж.Шерон] / Д.С.Мережковский // Звезда. – 1995. – № 7. – С. 159 – 176.
 9. РГАЛИ. Ф. 2. (Александров А.А.). Оп. 2, ед. хр. 4, л. 9- 9-об.
 10. Русское обозрение. – 1892. – № 1. – Январь.
 11. Эльзон М.Д. «В литературе известен такой случай...» (Н.С.Лесков против... Д.С.Мережковского) / М.Д.Эльзон // Русская литература (СПб.). – 1995. – № 4. – С. 156 – 159.